

Б.-Х. Б. Цыбикова

МЕНТАЛЬНО-ДУХОВНЫЕ АСПЕКТЫ КУЛЬТУРЫ БУРЯТ ВНУТРЕННЕЙ МОНГОЛИИ КНР ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ¹

Статья посвящена характеристике ментальной составляющей культуры локальной этнической группы бурят, проживающих в Китае. Для работы использованы записи полевых исследований, произведенные в АРВМ КНР в течение нескольких лет. На основе их анализа выявлены основные ментально-духовные аспекты культуры бурят. Устная фольклорная традиция этнической группы бурят Внутренней Монголии позволяет в определенной степени выявить ментальность всего бурятского народа, охарактеризовать социальный опыт, знания, накопленные в прошлом предыдущими поколениями. Несмотря на изолированное от материнского этноса существование, бурятской диаспоре в Китае удалось сохранить культурный потенциал, не утратить язык и традиции. В основе этнопсихологии оказавшихся за пределами родных кочевий скотоводов была идея неперемогенного возвращения на родину, которая способствовала формированию ментальных установок, особого образа мыслей, регулирующих жизнедеятельность нескольких поколений мигрантов.

Ключевые слова: *менталитет, ментальность, буряты Китая, традиционная культура, ценности, социокультурные установки, устная фольклорная традиция.*

Исследование ментальных характеристик культуры этнической группы бурят, компактно проживающей в Хулун-Буирском аймаке Эвенкийского хошуна Автономного района Внутренняя Монголия Китая (АРВМ КНР), представляется перспективным в плане выявления наиболее типичных этнических особенностей бурят в целом. Причин оттока части бурят в сопредельные земли пограничной страны несколько, основными являются следующие: «Считается, что буряты впервые появились в степях северо-восточного Китая в самом начале XX в., что было вызвано проводимыми в то время в России реформами, массовой миграцией русских крестьян в Забайкалье и упразднением института степных дум (Балдано, 2015). Количество переселенцев, покинувших в те годы территорию России, было, по-видимому, незначительным, ибо в китайских источниках первое появление бурят на территории страны принято датировать 1918 г. (Бао Лифан, 2003). Именно тогда небольшая часть проживавших в Агинских степях бурят, представлявших собой, в основном, обеспеченные слои общества, не приняв советской власти, решила откочевать на территорию соседнего государства» (Михалев, 2016: 76). Вместе с тем, одной из главных причин миграции бурят в район Хулун-Буира заключалась в «выборе территории, благоприятной для ведения кочевого пастбищного скотоводства» (Боронцова, 2011: 258). Об этом же свидетельствует наш полевой материал, собранный, у локальной группы, бурят Внутренней Монголии КНР в 2010, 2011, 2012 и 2014 гг., который составил основную источниковую базу для данной статьи, опубликованный в книге «Фольклор шэнэхэнских бурят» (Цыбикова, 2016). Многие наши информанты в основном говорили следующее о причинах переселения: «Наша бабушка говорила, что пока переезжали на летник, зимник, меняя места выгона скота, закрылась [граница], так она говорила, и те, которые ушли по западной стороне, оказались в Монголии, по восточной – прибыли в Шэнэхэн» (*Манай хугшэн эжы хэлхэдээл, зөөдлөөрөө ябһаар лэ, нютаглажа ябһаар лэ байтарнай, тэрэ хаагдашһан гэжэ хэлдэг байгаа, тшигээд лэ баруугаар гарһанишин Монгол ябшоо, зүүгээр гарһанишин энэ Шэнэхээн ериһэн*) (Цыбикова, 2016: 262). Этнический состав китайских бурят состоит из

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.192.1.4. Миф и история в фольклоре и литературе бурят и русских сибиряков: универсалии и специфика № АААА-А17-117021310268-2). The research was carried out within the state assignment of FASO Russia (project XII.192.1.4. «Myth and history in folklore and literature of Buryats and Russian Siberians: universals and specificity», № АААА-А17-117021310268-2).

традиционных родоплеменных групп. Шэнэхэнские буряты (как их еще называют по названию местности Шэнэхэн, где обосновались первые переселенцы), оказавшиеся изолированными от материнского этноса, выбрали замкнутый круг традиционного уклада жизни, чему способствовало несколько объективных факторов:

– «компактность и этническая однородность расселения; схожие с местами исхода природно-географические условия» (Бороноева, 2011: 187);

– «в отрыве от основной массы этноса, в иноэтнической среде у переселенцев-бурят актуализировалась дихотомия «мы – они», выдвинувшая на первый план этноинтегрирующие признаки» (Балдано, 2015: 54);

– не стояла проблема выбора между родственными бурятским и монгольским языками; делопроизводство велось с использованием монгольского языка с графикой старомонгольского письма;

– «центром этого «замкнутого (материального) круга» могла быть какая-то мощная идея, консолидирующая группу; таковой являлась идея возвращения на родину, вера в то, что они когда-то обязательно вернуться» (Бороноева, 2011: 187), в основе которой лежит память об исторической родине;

– важным ресурсом сплочения шэнэхэнских бурят служила религия (буддизм школы гелугпа).

В результате из конгломерата разных родовых общин и отдельных беженцев сформировалась единая группа с четкой внутренней организацией, системой власти, контроля, санкций, с минимальной открытостью принимающему обществу. Придерживаясь мнения исследователя, занимавшегося особенностями этнической идентичности китайских бурят: «В Китае же шэнэхэнская диаспора интересует ученых как островок истинной «бурятскости», анклав утерянной этничности, который сохранил свою самобытность в инокультурном окружении» (Болдохонов, 2011: 109), рассмотрим наиболее типичные морально-нравственные ценности, лежащие в основе менталитета бурятского этноса.

Итак, основными компонентами ментальных характеристик культуры бурятского этнического анклава являются устойчивые традиционные ценности, образ мышления, верование, социокультурные установки, модели поведения, передаваемые из поколения в поколение. Все эти элементы, лежащие в основе жизнедеятельности членов данной группы общности, образуют «систему понятий, отличающихся от смысловых категорий других этносов» (Абдулаева, 2016: 14) и характеризуют этнопсихологические особенности бурят.

Определенный уклад жизни: традиционная форма хозяйствования (скотоводство), кочевой образ жизни, природная среда обитания (бескрайние степи), имеют определяющее значение на мировосприятие и формирование ментальных особенностей представителей бурятской диаспоры Внутренней Монголии Китая, которые в подавляющем большинстве являются потомками забайкальских хори-бурят. Так, в записанных нами материалах из песенного фонда шэнэхэнских бурят значительное место отводится прославлению красоты степных просторов. Примечательным является используемое в одной из песен противопоставление степи горным и таежным ландшафтам, в представлении исполнителей старинной обрядовой песни они являются опасными, таящими угрозу, т.е. имеют негативный оттенок в отличие от широких степей.

Хада газар ханагтай,
Хазаарташ бүгдэрүүжэ, ойлгоорой.
Хүбшэ газар хүстэй шуу,
Хүлэгшэнил бүдэрүүжэ, ойлгоорой.

Скалистая земля отвесная,
Смотри, как бы конь твой с уздечкой не споткнулся.
Таежная земля имеет [темные] силы,
Смотри, как бы аргамак твой не споткнулся.

«Песня, [исполняемая при подношении] крестцовой кости» *Уусын дуун* (Цыбикова, 2016: 158).

Кроме того, кочевник, в том числе бурят-скотовод, не представлял свое существование без коня, который занимал в системе ценностей одно из главенствующих мест, что подтверждают наши полевые записи. В зафиксированных эпических, сказочных, песенных текстах,

малых жанрах традиционного фольклора шэнэхэнских бурят (Цыбикова, 2016), безусловно, присутствует образ коня, который выступает в качестве незаменимого спутника, первого помощника, в целом, имеет ценность как драгоценность (в обиходной речи бурят существует постоянный эпитет по отношению к лошади *морин эрдэни*). А в одной из песен его воспевают как перерожденца буддийского божества, статусного священнослужителя, ламы-настоятеля, приравнивая его, таким образом, к почитаемому святому:

Бутуухан дэлэстэй халюунхан Бурханайл хубилгаан.	Игреньевый конь с мелким загивком – Перерожденец бурхана [бога].
Хахалбал дэлэстэй халюунхан Хамба ламын хубилгаан.	Игреньевый конь с пробормом на загивке – Перерожденец хамбо-ламы [настоятеля монастыря].
Шэнгэхэн дэлэстэй халюунхан Шэрээтэ ламын хубилгаан.	Игреньевый конь с жидким загивком – Перерожденец ламы-настоятеля.

Песня «Игреньевый конь с мелким загивком» *Бутуухан дэлэстэй халюунхан* (Цыбикова, 2016: 180–181).

В традиционной культуре бурят существует особый жанр обрядово-ритуального фольклора – восхваление коня, сохранившийся у китайских бурят, у российских он подзабыт, но в отдельных случаях последними предпринимается попытка его возрождения.

Природно-климатические особенности окружающей среды, организация жизнедеятельности бурят в условиях степной, равнинной зоны проявляются в их темпераменте, способе мышления. Им присущи неспешность в быту, взвешенность поступков, обдуманность действий, пространно-философское восприятие окружающего мира, особый психический склад в отношении времени, расстояния – они размыты, растянуты, неконкретны. Соответственно, течение повседневной жизни, на первый взгляд, размеренно, монотонно, но оно отработано веками, имеет определенную устоявшуюся систему ритма, организации и правил в соответствии с цикличностью номадного хозяйства, для которой характерны повторяемость, непрерывность. Эти же особенности наложили отпечаток на музыкальную культуру шэнэхэнских бурят. Среди китайских бурят активно и полноценно бытуют протяжные песни, которые характеризуются чертами исконно народной традиции, утерянные российскими бурятами: «Шэнэхэнские буряты знают все тексты песен, делят их по манере исполнения, назначению. Если в России и Монголии буряты поют несколько куплетов, то они – по 20–30 с небольшими изменениями в тексте, дополнив привезенный с исторической родины репертуар новыми песнями» (Базаров, Дампилова, Цыбикова, 2010: 4).

В песенной культуре восточных бурят, как еще называют хори-бурят, составную часть которых составляют шэнэхэнцы, особое выражение находят жизненная философия и мировоззрение народа, его ментальность. Так, в ней обширное место занимает, как в любом вокальном искусстве, любовная лирика. Ее отличительная особенность продиктована ментальными особенностями восточных бурят, для которых противоестественно открытое, эмоциональное выражение сокровенных чувств, тем более любовных. К примеру, объяснение в любви в песне может быть передано предельно завуалированно, возникшие между молодыми людьми взаимные чувства и отношения выражаются в крайне замаскированной форме, не может быть речи о прямых признаниях. К примеру, наиболее предпочтительно говорить об интимных чувствах следующими словами: «с человеком, с которым я встретился(лась), *вполне можно* встречаться», «во сне я вижу, чтобы мы *вполне* подружились, и сердце мое радуется», «и *вполне возможно* преодолеть вместе жизненные дороги и счастливо прожить с тобой». В приведенных песенных словах, записанных у шэнэхэнских бурят, ключевыми являются слова в сослагательном наклонении, только допускающие возможность, а не признание в любви, не предложение руки и сердца. Это согласуется с традиционным воспитанием, имеющим в основе буддийские начала, согласно которым воспрещается безмерно выражать счастье, радость,

также, как и нельзя громко рыдать, тем более причитать, если случилось несчастье. Одним словом, проявление бурных эмоций, как положительных, так и отрицательных, осуждается, потому что, как утверждают буддисты, если у тебя позитивные события, а у другого возможно горе, и наоборот.

Не утеряна бурятами Китая издревле существовавшая у бурятских родов генеалогическая культура – хранение родословной, закрепленной в памяти представителей одного рода, бережно передаваемой от старшего поколения молодому. Как принято, буряты должны знать свой род до седьмого колена, причем в основном по отцовской линии. Существовала устная традиция передачи от родителей своим детям генеалогического древа, правда, в последующем, и особенно в наши дни, эта традиция принимает формы письменной фиксации – во многих семьях составление, хранение и обновление родословной осуществляется в бумажном варианте. Шэнэхэнцы идентифицируют себя по принадлежности к определенному роду (*уг, омог, хал*). Так, к примеру, Ж. Сэбээн-Долгор знает свой род до десятого колена (Цыбикова, 2016: 290), и это не исключение, а явление, характерное для всех бурятских семей Внутренней Монголии. Эта традиция в Хулун-Буире не нарушалась, не прерывалась, она сохраняется по сей день, и есть твердая уверенность – не будет утрачена она и в будущем. Это позволяет индивиду идентифицировать себя не только по отношению к другим иноэтническим группам, но и в составе однородного этнического социума.

На основу воспитания, поведения и мировоззрения на протяжении жизни нескольких поколений бурят и монголов повлиял буддизм в форме гелукпа, являясь символом их этнической идентичности, и внес весомый вклад в создание своеобразной национальной культуры. Приоритетными принципами воспитания детей в бурятских семьях являлись следующие: сострадание ко всему живому, беспрекословное исполнение своих обязанностей по отношению к отцу и матери, хранение семейных обычаев и традиций; соблюдение моральной и духовной чистоты. Все это составляет главные компоненты верований бурят, которых традиционно придерживается подавляющее большинство членов бурятского общества АРВМ КНР в повседневной жизни и быту. К числу традиционных верований китайских бурят, общих с материнскими традициями, относится поклонение почитаемым местам (*обоо*) (Цыбикова, 2016: 247–248), ритуалы посещения буддийских монастырей; проведение религиозных праздников: наступление нового года по лунному календарю, возжигание тысячи лампадок; кроме того, проведение семейных обрядов и ритуалов по канонам буддизма. К примеру, обряд призывания счастья (*даллага абаха*). Шэнэхэнские буряты, приглашают домой священнослужителя – ламу, который читает религиозные(ую) книги(у). Основная направленность данного религиозного действия состоит в том, чтобы, обращаясь к божествам, гениям-хранителям, хозяевам местности, просят обретения благополучия и спокойствия, прибыли и процветания, счастья и успехов, потомства, и чтобы наступило благоденствие для всех живых существ. В отличие от российских бурят, которые могут проводить *даллага* в любое время, для шэнэхэнцев существует определенный промежуток времени, когда проводят этот обряд – в сентябре, когда закончатся все летне-осенние сельскохозяйственные работы, до начала октября (Цыбикова, 2016: 242–247). Существуют и до сих пор сохранились традиционные обряды зарывания послета ребенка; стрижки волос, когда ребенку исполняется год; поклонения огню (*гал тахиха*) (Цыбикова, 2016: 236–237; 248–251). Забытый и утерянный российскими бурятами, недавно ушедший в прошлое у китайских бурят, обряд почитания огня записан нами из уст пожилой женщины, которая помнит, как он проводился раньше: «Когда мы были маленькие, с грудинкой проводили [этот обряд]. Взяв ковыль сибирский, из степи приносили стебельки ковыля, обворачивали разными шелками (разных цветов шелка), четыре из них [ставили] на печку вот так четырехугольником, затем шерстью забитого барана заворачивали грудинку (без брюшных мышц, только голая грудинка), обворачивали хадаком, обворачивали брюшным жиром, ставили сверху, затем сверху ставили балин и прочее, заливали маслом. Это я видела, когда лама проводил [такой] обряд. Затем все бросали в печку, все, на этом завершался [обряд].»

Еще сверху вкруговую заливали топленным маслом, предварительно приоткрыв печные ободки, установив четырехугольником. И, когда заливаешь маслом, огонь разгорался, конечно, и грудинка тоже [начинала] гореть. Те двое, муж с женой, загнув наверх меховой выступ в налобной части меховой шапки, постелив [под себя] подол дэгэлов, падали ниц и, три раза отбив поклоны, прекращали [молиться]. Так они поклоняются огню своему, наши молились, сложив ладони. Лама проводил [обряд] поклонения» (Цыбикова, 2016: 250).

В этнокультурной традиции бурят определенную нишу занимает ритуал преподнесения/исполнения благопожеланий, в которых аккумулированы жизненные идеалы многих поколений бурят (Цыбикова, 2016: 231–236). Традиция произнесения благопожеланий (у бурят, по существующим неписанным правилам, принято, чтобы старшие по возрасту адресовали пожелания младшим, т.е. в ритуале произнесения благопожеланий приоритет отводится возрастным людям) направлено на достижение в будущем тех социокультурных норм, в основе которых лежит совокупность традиций и идей, культивирующихся в бурятском обществе. Культурная память народа выработала традиционные каноны, нормы, систему ценностей, к которым следует стремиться человеку, которым он должен соответствовать и следовать. Кроме того, система моральных ценностей бурятского этноса ярко выражена и в пословицах – метких образных изречениях (Цыбикова, 2016: 226–231). Они содержат обобщенные наблюдения, народную мудрость, главный смысл которых составляют социокультурные установки, модели поведения и в целом регламентация жизненных стереотипов. Безусловными этномаркерами служат, на наш взгляд, запреты, табу, поверья, суеверия, связанные с ними охранительные меры, характеризующие специфику мировоззренческой основы бурят. Они также представлены в материалах экспедиций в АРВМ КНР. Так, есть записи о фактах наличия хозяев гор, рек, и связанные с этим неписанные правила – нельзя ничего брать, подбирать, разрушать, находясь на территории почитаемых мест. В случае нарушения запрета человека могут настичь материальные и другие нежелательные потери, болезнь. Поэтому предписывается любому человеку уважительно относиться к сакральным объектам, имеющим, по суеверному представлению бурят, своих хозяев, и задабривать их различными подношениями. В раннее время, когда младенческая смертность была частым явлением, буряты предпринимали разные меры по ее предотвращению. Это нашло отражение и в бытовую практику этноса, составляя одну из особенностей родильной обрядной традиции бурят. Так, давали имена, несоответствующие полу, с неэстетичным значением. Существовал запрет громко звать детей/произносить их имя в сумерки, ночью, так как могли услышать злые духи, способные навредить здоровью ребенка. Обязательными являлись для шэнэхэнских бурят следующие охранительные меры: «Чтобы оградить ребенка от дурных напастей, в его люльку клали [ветки] дерева яшал, яшал – это красное дерево. Оно [обладает способностью] прекращать небесный гром, отводить все плохое. Защищали деревом яшал, он был в качестве гения-хранителя. [К люльке] привязывали зангя. Зангя – тесемка из шелковой красной или желтой нитки в виде шнурка с узелком посередине, освященная буддийским священнослужителем, служащая в качестве оберега» (Цыбикова, 2016: 284).

Характеристика ментальной особенной этноса не будет полной без упоминания о пищевой культуре бурят. Традиционную кухню шэнэхэнских бурят отличает обильное употребление молочных продуктов и мясных блюд, что продиктовано скотоводческим типом хозяйствования. Номадный характер жизнедеятельности диктовал во всем практичность, мобильность, рачительность, при этом необходимы хозяйственная смекалка и расчетливость. Так, мясные и молочные продукты заготавливались с прицелом на длительное хранение и употребление, что является отличительной особенностью приготовления блюд бурят и монголов.

В менталитете этнической группы бурят Внутренней Монголии Китая устойчиво сохраняется генетическая память о таких святых местах, как остров Ольхон в Иркутской области, гора Алханай в Забайкальском крае, гора Бархан в Республике Бурятия. Осознанное почитание и поклонение святыням, несмотря на расстояние и отдаленное, изолированное существование,

поддерживается несколькими поколениями эмигрантов. В устных рассказах шэнэхэнцев это подчеркивается с особым пиететом: «Молимся, конечно, приносим им жертвоприношения. «Тринадцать ноёнов Ольхона и Бархана», – так [молимся]. Когда идешь к ламе за советом, он предсказывает – поднесите, умиловите Ольхона и Бархана, так [говорит]» (Цыбикова, 2016: 143). «Конечно, говорят Алханай, [молятся]. На всем свете есть три большие горы. Страна Дэмшиг – это страна богов, священная страна. Одна из них – Алханай, страна бурхана Дэмшэг. Другая, это Утай, находится на юге, у нас в Китае – страна бурхана Манжаширэ. Третья еще пока не выяснена, где находится, то ли на западной стороне, где, неизвестно» (Цыбикова, 2016: 145). В этом проявляется, кроме поддержания на религиозно-духовном уровне связи с историческими местами исхода, но и защитный механизм от воздействия иного культурного влияния в полиэтническом окружении.

В традиции бурят существуют, как и у всех народов, семейная, свадебная обрядовая культура, календарная обрядность, отличающиеся своими специфическими проявлениями и чертами, характеризующие их этническую самобытность. Но это остается вне поля рассмотрения данной статьи, как предмет отдельного анализа и обсуждения.

Итак, устная фольклорная традиция шэнэхэнских бурят позволяет в определенной степени охарактеризовать ментальность всего бурятского народа, выявить социальный опыт, знания, накопленные в прошлом предыдущими поколениями. Бурятской диаспоре в Китае удалось сохранить культурный потенциал предков, не утратить язык, благодаря чему продолжают чтить национальные традиции, несмотря на изолированное существование от материнского этноса. Локальную группу китайских бурят до последнего времени не коснулась проблема ассимиляции с титульной нацией в силу географической отдаленности их расселения от крупных мегаполисов. Главная же причина заключается еще и в том, что в основе этнопсихологии оказавшихся за пределами родных кочевий переселенцев была идея неперемогимого возвращения на родину, которая способствовала сохранению этносоциальных, ментально-духовных установок, особого образа мыслей, регулирующих жизнедеятельность нескольких поколений мигрантов.

Список литературы:

- Абдулаева Э. С. Ментальные аспекты духовной культуры современного человека: В 2-х ч. – Тамбов: Грамота, 2016. – Ч. 1, № 7 (69). – С. 13–15.
- Балдано М. Н. Шэнэхэнские буряты: по ту и эту сторону границы // Вестник Бурятского госуниверситета. – 2015. – № 7. – С. 52–59.
- Болдохонов С. Н. Особенности этнической идентичности реэмигрантов (на примере шэнэхэнских бурят) // Вестник Бурятского госуниверситета. – 2011. – № 6. – С. 107–109.
- Боронова Д. Ц. Концепт «Родина» в идеологии и практике бурятских диаспор // Известия Томского политехнического университета. – 2011. – Т. 319, № 6. – С. 186–190.
- Боронова Д. Ц. Миграция и сакрализация нового жизненного пространства в традиционной культуре: опыт бурят Внутренней Монголии КНР // Вестник Бурятского госуниверситета. – 2011. – № 6. – С. 258–262.
- Михалев М. С. О социальной подоплеке ревитализации шаманизма в современных условиях (на примере бурят Китая) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2016. – № 3. – С. 74–82.
- Протяжные песни монгольских народов. Сб. науч. ст. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. – С. 3–12.
- Цыбикова Б.-Х. Б. Фольклор шэнэхэнских бурят. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2016. – 312 с.

Цыбикова Б.-Х. Б., кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник.
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН.
Ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, Россия, 670047.
E-mail: bch58@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 26 февраля 2018 г.

B.-Kh. B. Tsybikova

**MENTAL-SPIRITUAL ASPECTS OF THE CULTURE OF THE BURYATS OF INNER MONGOLIA
OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA BASED ON FIELD RESEARCH MATERIALS**

The article is devoted to the description of the mental component of the culture of the local ethnic group of Buryats living in China. The project used records of field research that were made in the IMAR of PRC over several years. Based on the analysis of this data, the main mental-spiritual aspects of Buryat culture were revealed. The oral folklore tradition of the ethnic group of the Buryats of Inner Mongolia allows to reveal, to a certain extent, the mentality of the entire Buryat people, to characterize social experience and knowledge accumulated in the past by previous generations. Despite being isolated from the maternal ethnos, the Buryat diaspora in China managed to preserve its cultural potential, not to lose its language and traditions. The ethnopsychology of the pastoralists outside the native nomadism was based on the idea of the need for homecoming, which contributed to the formation of mental attitudes and shaping a special way of thinking, regulating the livelihoods of several generations of migrants.

The main stereotypes of the national character of the Chinese Buryats are rooted in indissoluble ties with the mother ethnic group and adherence to the traditional values of ancestors, which are based on a certain way of life – the traditional form of husbandry (cattle breeding), nomadic lifestyle, natural habitat (endless steppes). This explains their characteristic behavioral features: extreme restraint in expression of emotion, deliberation in everyday life, balance of actions, deliberation of action, philosophical perception of the world, special mental makeup in terms of time and distance – they are vague, spaced out, non-concrete. The mentality of the Buryat Diaspora in China is closely associated with belonging to the Buddhist religion, determining the basis of education and worldview – compassion for all living things, observance of moral and mental purity, respect for family customs and traditions.

Key words: *mindset, mentality, Buryats of China, traditional culture, values, sociocultural attitudes, oral folklore tradition.*

References:

- Abdulayeva E. S.* Mental'nye aspekty duhovnoy kul'tury sovremennogo cheloveka [Mental aspects of the spiritual culture of modern man]: V 2 ch. – Tambov: Gramota, 2016. – Ch. 1, № 7(69). – P. 13–15.
- Baldano M. N.* Shenekhenskiye buryaty: po tu i etu storonu granitsy [Shenekhen Buryats: beyond and this side of the border] // Vestnik Buryatskogo gosuniversiteta. – 2015. – № 7. – P. 52–59.
- Boldohonov S. N.* Osobennosti etnicheskoi identichnosti reemigrantov (na primere shenekhenskih buryat) [Peculiarities of the ethnic identity of re-emigrants (on the example of Shenekhen Buryats)] // Vestnik Buryatskogo gosuniversiteta. – 2011. – № 6. – P. 107–109.
- Boronoeva D. Ts.* Kontsept "Rodina" v ideologii i praktike buryatskih diaspor [The concept of "Homeland" in the ideology and practice of the Buryat Diaspora] // Ivestiya Tomskogo politehnicheskogo universiteta. – 2011. – Vol. 319, № 6. – P. 186–190.
- Boronoeva D. Ts.* Migratsiya i sakralizatsiya novogo zhiznennogo prostranstva v traditsionnoy kul'ture: opyt buryat Vnutrenney Mongolii KNR [Migration and sacralization of a new living space in traditional culture: the experience of the Buryats of Inner Mongolia PRC] // Vestnik Buryatskogo gosuniversiteta. – 2011. – № 6. – P. 258–262.
- Mihalyev M. S.* O sotsil'noi podopl'yekye revitalisatsii shamanisma v sovremennykh usloviyah (na primerye buryat Kitaya) [On the Social Background of the Modern Revival of Shamanism (Evidence from the Buryats of China)] // Bulletin of the Kalmyk Institute Humanities of the Russian Academy of Sciences. – 2016. – № 3. – P. 74–82.
- Protyazhnye pesni mongol'skih narodov [Long songs of Mongolian people: collection of scientific articles]: Sb. nauch. st. – Ulan-Ude: Isd-vo BNTs SO RAN. 2010. – P. 3–12.
- Tsybikova B.-Kh. B.* Fol'klor shenekhenskikh buryat [Folk culture of the Shenekhen Buryats]. – Ulan-Ude: Isd-vo BNTs SO RAN, 2016. – 312 p.

Tsybikova B.-Kh. B., Candidate philol. nauk, assistant professor.

The Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS.

St. Sakh'yanovoi, 6, Ulan-Ude, Russia, 670047.

E-mail: bch58@yandex.ru